УДК 340.111.57
ББК 67.400.5

ПРАВОВОЙ СИМВОЛ И ПРАВОВАЯ ФИКЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

О. Е. Зацепина
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Рассмотрены правовой символ и правовая фикция как особые правовые категории. Установлена правильность узкого подхода к их сущности, в соответствии с которым понятие «правовая фикция» не включает в себя фиктивные явления, а понятие «правовой символ» не охватывает символы, запрещенные законодательством, и символы, которые олицетворяют определенные ценности. Выявлено, что обе рассматриваемые категории обладают определенной степенью условности, специфическим образом отображая правовую реальность по установленной законодателем схеме, поэтому их иногда смешивают в литературе. Правовые символы, в отличие от правовых фикций, более фундаментальны, но имеют вспомогательный характер, так как отражают уже существующее правовое веление, а не являются частью новой правовой нормы, содержат зашифрованный смысл, но не искажают правовую реальность. Правовые символы и правовые фикции играют очень важную роль в правовом регулировании, так как оптимизируют его и делают более качественным, а также обеспечивают юридическую и лингвистическую экономию.

Ключевые слова: правовой символ, правовая фикция, лаконичность, условность, отображение правовой реальности.

LEGAL SYMBOL AND LEGAL FICTION: PROBLEMS OF DEMARCATION

O. E. Zatsepina
Altay State University (Barnaul, Russia)

The article considers the legal symbol and legal fiction as special legal categories. The correctness of a narrow approach to their essence was established according to which the notion of «legal fiction» does not include fictitious phenomena, and the notion of «legal symbol» does not cover symbols prohibited by law, and symbols which represent certain values. It was revealed that both considered categories have a certain degree of conventionality, in a specific way according to the scheme established by the legislator, therefore they are sometimes mixed in the literature. Legal symbols, unlike legal fictions, are more fundamental, but have an auxiliary character, since they reflect an existing legal precept, and are not part of a new legal norm, contain an encrypted meaning, but do not distort the legal reality.

Legal symbols and legal fictions play a very important role in legal regulation, since they optimize it and make it more quality, and also provide legal and linguistic economy.

Keywords: legal symbol, legal fiction, laconicism, conventionality, reflection of legal reality.

Doi: https://doi.org/10.14258/ralj(2019)4.3

В связи с развитием новых технологий и возникновением новых общественных отношений, нуждающихся в правовой регламентации, количество используемых государством правовых символов и правовых фикций в настоящее время существенно увеличивается, что обусловливает актуальность темы исследования.

Чтобы правильно разграничить исследуемые правовые явления, необходимо сначала разобраться в их сущности. Что же представляют собой правовые символы?

По мнению В.К. Бабаева и В.М. Баранова, «правовые символы — закрепленные законодательством условные образы (замещающие знаки), используемые для выражения определенного юридического содержания и понятные окружающим людям» [1, с. 74].

Многие ученые относят их к средствам (или приемам) юридической (или законодательной) техники (например, М.Л. Давыдова называет их неязыковыми средствами юридической техники [2, с. 287], А.В. Никитин — приемами юридической техники [3, с. 256], Н.Т. Леоненко — средствами законодательной техники [4, с. 56]). При этом М.Л. Давыдова [2, с. 290] предлагает следующую классификацию правовых символов, которую разделяют Н.Т. Леоненко [4, с. 57–58], И.В. Филимонова [5, с. 171] и др.:

1. Символы, закрепленные в официальных источниках и охраняемые государством — нормативные символы, символические предписания [6, с. 13] (в качестве примеров нормативных символов указанные авторы приводят нормы Федерального конституционного закона от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации» [7] и Федерального конституционного закона от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» [8]).

2. Символы, не закрепленные в законодательстве, используемые для выражения определенных правовых ценностей (Фемида — символ правосудия).

3. Символы, упоминаемые в законодательстве, но не имеющие сами по себе правового характера (символы, запрещенные законодательством как выражающие негативные, противоречащие действующему праву явления и ценности, например нацистская символика).

Такая классификация вытекает из расширенного подхода к правовым символам, в соответствии с которым данное понятие включает в себя не только символы, установленные или санкционированные законодательством (в узком смысле), но и все другие символы, являющиеся частью правовой культуры, которые обозначают в общественном сознании определенные правовые ценности [2, с. 291].

По нашему мнению, как средства юридической техники правовые символы можно рассматривать в том случае, когда они выступают в роли реквизитов документов (например, подпись, печать, герб государства и др.), которые, как известно, относятся к формально-атрибутивным средствам юридической техники.

Представляется некорректным выделять нормативные правовые символы, так как анализ норм Федерального конституционного закона от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации» и Федерального конституционного закона от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации», в которых закреплены описание и порядок официального использования данных символов. Например, в ст. 3 ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации» установлено, на каких зданиях (либо мачтах и флагштоках) Государственный флаг РФ вывешивается в дни государственных праздников. Показано, что сам правовой символ как правовая категория не устанавливает прав и обязанностей, не является властным велением, поэтому нормативно-правовым предписанием быть не может, но некоторые правовые символы являются средствами выражения государственно-правовых велений.

Исходя из этого считаем, что правовые символы — это особые правовые категории, используемые государством для обозначения определенных правовых явлений и донесения их смысла до субъектов права, которые выражают правовые предписания (например, дорожные знаки, жесты регулировщика, сигналы светофора); обозначают охраняемые законом ценности (нематериальные, например, суверенитет символизируют флаг, герб и гимн государства, а исключительное право удостоверяет товарный знак, а также материальные — особо охраняемые природные территории тоже имеют свою символику, в качестве примера можно привести эмблемы государственных природных заповедников); удостоверяют юридическую силу документов, а также их принадлежность к определенному государству или его части (подпись, печать, гербы Российской Федерации, субъекта Российской Федерации и муниципального образования).

По нашему мнению, нацистская символика, изображения тюремной решетки, Фемиды, соединенных брачных колец и другие подобные символы, относимые многими авторами, например М.Л. Давыдовой [2, с. 290], Н.Н. Вопленко [9, с. 72], А.В. Никитиным [6, с. 19] и другими, к правовым, являются социальными символами, а не правовыми категориями.

Поскольку вопрос определения сущности правовой фикции является весьма дискуссионным и составляет предмет исследования отдельной статьи [10, с. 7–13], в рамках данной работы ограничимся кратким обозначением авторской позиции по нему.

Итак, по нашему мнению, в целях недопущения смешения понятия «правовая фикция» с иными понятиями в праве (фиктивными явлениями, правовыми нормами, содержащими правовые фикции, юридическими фактами и др.), необходимо рассматривать правовую фикцию с позиции традиционного подхода (узкого, классического), т. е. только как средство юридической техники.

Полагаем, что в таком качестве правовая фикция обладает следующими признаками:

1. Нормативность (фикции содержатся в правовых нормах и реализуются на практике только через них).

2. Заведомая ложность (законодатель сознательно конструирует положение, явно не соответствующее действительности, о чем известно не только ему, но и лицам, которым оно адресовано).

3. Неопровержимость (фактическое опровержение фикции не имеет никаких юридических последствий).

4. Императивность (большинство фикций суд обязан применить, хотя существуют и диспозитивные фикции, которые применяются по его усмотрению).

5. Намеренная деформация действительности (приравнивание различных понятий; признание реальными несуществующих обстоятельств и отрицание существующих; признание фактов существующими раньше или позже того, чем они возникли на самом деле [11, с. 345]).

6. Цель применения — охрана различных интересов (личности, общества и государства).

В связи с этим считаем, что «правовая фикция — это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах закрепляется заведомо ложное неопровержимое положение, определенным образом деформирующее действительность в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства)» [10, с. 11].

Чтобы разграничить правовой символ и правовую фикцию между собой, рассмотрим их общие и отличительные черты.

Общие черты правового символа и правовой фикции:

1) обеспечивают юридическую и лингвистическую экономию посредством донесения смысла правовых велений в лаконичной и понятной форме;
2) создаются по воле законодателя;
3) имеют в определенной степени условный характер, специфическим образом отображая правовую реальность по установленной законодателем схеме.

И. В. Филимонова выделяет еще такую их общую черту, как использование в теневых юридических технологиях (например, при отмывании доходов с помощью фикций и создание общеуголовной символики) [5, с. 172]. Такая позиция объясняется тем, что указанный автор придерживается расширенного подхода к сущности обеих рассматриваемых категорий.

Но с точки зрения узкого подхода к их сущности, сторонниками которого мы являемся, фиктивные явления не охватываются понятием «правовая фикция», а общеуголовные и другие отрицательные с позиции права символы не относятся к правовым символам.

Правовые фикции и правовые символы имеют следующие отличия:

1. Символы могут отражать фундаментальные ценности (суверенитет, самобытность, национальная идентификация, единство, державность и др.), обеспечивая тем самым культурно-историческую связь поколений людей, а фикция защищает более конкретные интересы личности и государства в определенной отрасли права и правовой ситуации (например, обеспечивает тайну усыновления путем изменения даты и места рождения усыновленного ребенка (ч. 1 ст. 135 СК РФ [12]), дисциплинирует участников судопроизводства и др.).

2. С помощью фикции создается новая норма права, устанавливаются конкретные права и обязанности, а символ отражает уже существующее правовое веление [13, с. 38] (с этой точки зрения, в отличие от фикции, символ имеет вспомогательный характер).

3. Символ содержит зашифрованный смысл и нуждается в толковании, а фикция — нет, так как обладает свойством очевидности [5, с. 172] (при этом следует отметить, что фикция, закрепленная косвенным способом, выявляется путем толкования правовой нормы).

4. Фикция определенным образом деформирует правовую реальность, а символ не искажает ее, а только олицетворяет особым способом.

Ввиду условного характера рассматриваемых правовых явлений некоторые авторы относят определенные правовые символы к фикциям. Так, О. В. Танимов полагает, что электронный документ, электронная подпись и подобное являются фикциями, так как представляют собой последовательность математических символов, не имеющих ничего общего с последовательностью символов, содержащихся в аналогичном документе на бумажном носителе, подписанном собственноручной подписью, и соответствуют всем признакам, присущим, по его мнению, правовым фикциям: универсальности, нормативному закреплению, неопровержимости, заведомой условности, особому целевому назначению и способности вызывать друг друга [14, с. 194–195]. Данную позицию разделяет И. Л. Ишигилов, он также относит понятия, указанные О. В. Танимовым, к фикциям по причине отсутствия у них аналогов в реальной действительности [15, с. 4].

Такой аргумент представляется несостоятельным, поскольку электронный документ и электронная подпись имеют аналоги — документ на бумажном носителе и собственноручная подпись, о чем говорит и сам О. В. Танимов в своей монографии [14, с. 194].

И. В. Филимонова [16, с. 47] критикует позицию их отнесения к правовым фикциям, она полагает, что и электронный документ, и электронная подпись представляют собой абстрактные объекты и разделяет точку зрения Р. К. Лотфуллина, согласно которой абстрактные объекты не являются фикциями, так как не противоречат правовой действительности ввиду своей идеальной природы. Поэтому в соответствии с его позицией любая фикция является вымыслом, но не всякий вымысел является фикцией [17, с. 16, 26].

Думается, что рассматриваемые понятия не относятся к абстрактным объектам, поскольку абстрактный объект не существует ни в каком конкретном месте ни в какое конкретное время, а существует только как тип вещи в качестве идеи или абстракции (например, справедливость), а также лишен причинной силы, т. е. не может быть причиной чего-либо, воздействовать на другие объекты [18], а электронный документ и электронная подпись существуют в реальной действительности (пусть и в специфической форме) и порождают определенные правовые последствия, установленные законом [19]. По нашему мнению, электронная подпись и электронный документ являются не правовыми фикциями, а правовыми символами, так как они не деформируют правовую реальность, а определенным образом отображают ее, символизируя документ на бумажном носителе и собственноручную подпись, электронная подпись удостоверяет юридическую силу документов, что соответствует назначению правовых символов. Что касается их несоответствия своим аналогам, о котором пишет О. В. Танимов [14, с. 194], считая это главным аргументом в пользу того, что они являются фикциями, то некоторые правовые символы не обладают внешним сходством с предметом, который обозначают (например, товарный знак), что не меняет их сущности и не превращает в фикцию.

Форма и содержание правового символа сущностно не взаимосвязаны (А. В. Никитин [6, с. 17], М. Л. Давыдова [2, с. 293], Н. Т. Леоненко [4, с. 55]) согласно более радикальной позиции, которая представляется некорректной, так как приведенные нами выше примеры являются скорее исключением, чем правилом. Правовые символы должны быть наглядными и понятными окружающим людям, поэтому большинство из них характеризуются прямой взаимосвязью формы и содержания (гимн государства, знаки, предупреждающие об опасности объектов, особо охраняемых природных территориях, ограничении скорости передвижения на трассе и др.).

Полагаем, следует согласиться с И. В. Филимоновой в том, что символ обладает условностью, но произвольным быть не может, его выражение имеет тесную связь со смыслом символа, иначе он теряет свою ценность [5, с. 173].

Таким образом, правовая фикция и правовой символ в определенной степени условны, однако отличаются друг от друга главным образом сущностью этой условности, отношением к действительности, способом ее отражения, а также своей правовой природой, поэтому их не следует отождествлять.

Так как исследуемые правовые категории играют неоспоримо важную роль в правовом регулировании, оптимизируя его и делая более качественным, и обеспечивают юридическую и лингвистическую экономию, они, несомненно, нуждаются в дальнейшем всестороннем исследовании.

Библиографический список

1. Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Нижний Новгород, 1997. 533 с.

2. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография. Волгоград, 2009. 318 с.

3. Никитин А. В. Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. 823 с.

4. Леоненко Н. Т. Законодательная техника : учебное пособие. Новосибирск, 2015. 276 с.

5. Филимонова И. В. Юридический символ и юридическая фикция: общее и различное // Понимание государства и права, подходы и проблемы : материалы Международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2013. С. 168–174.

6. Никитин А. В. Правовые символы : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. 241 с.

7. О Государственном флаге Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 1-ФКЗ: принят ГД ФС РФ 08.12.2000 // Российская газета. 2000. № 244.

8. О Государственном гербе Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 2-ФКЗ: принят ГД ФС РФ 08.12.2000 // Российская газета. 2000. № 244.

9. Вопленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 71–73.

10. Зацепина О. Е. К вопросу о сущности правовой фикции // Пролог: журнал о праве. 2017. № 2. С. 7–13.

11. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 2013. 592 с.

12. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.1995. № 223-ФЗ: принят ГД ФС РФ 08.12.1995 // Российская газета. 1996. № 17.

13. Марохин Е. Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве : дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 179 с.

14. Танимов О. В. Теория юридических фикций : монография / отв. ред. Т. В. Кашанина. М., 2016. 225 с.

15. Ишигилов И. Л. Понятие юридических фикций // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1 (36). С. 3–7.

16. Филимонова И. В. Проблема определения признаков юридической фикции // Политика, государство и право. 2014. № 10 (34). С. 45–51.

17. Лотфуллин Р. К. Юридические фикции в гражданском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.

18. Словари и энциклопедии на Академике. URL: dic.academic.ru.

19. Об электронной подписи : Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ: принят ГД ФС РФ 25.03.2011 // Российская газета. 2011. № 75.